

Глава 1

Лондон, Аэропорт Хитроу,
Терминал 2; 9.00

Я уволился и взял все свои сбережения — 9 021 доллар, а когда они закончатся, я покончу с собой. Вылет через час. Он вышел с большим запасом времени, чем нужно, но все оно куда-то растряслось: на неуверенность, страх, тревогу. Мимо снуют люди. Он стоит, высматривая на табло номер стойки регистрации. Мимо проходит светловолосая мать с ребенком на руках. За ними высокий мужчина: глаза прикрыты, в ушах наушники, волосы заплетены в дреды. При нем гитара, рюкзак, на ногах шаровары — вид такой, будто пускается в приключение на поиски себя. Мимо строем проплывают два пилота и квартет стюардесс, излучая сияние, будто путь для них освещен, а позади за ручку идут влюбленные в одинаковых вареных джинсах.

Он спешит в очередь. 9.15. Добирается до стойки и протягивает свой паспорт оттенка бургунди девушке за ней. Этот паспорт — его надежда, благословение, молитва — может спасти жизнь, изменить жизнь... даже отнять жизнь. Этот паспорт между красным и синим, сушей и морем, надеждой и отчаянием. *Паспорт... Без него не останется места, которое я смогу назвать своим д...*

— Доброе утро, сэр, — говорит девушка, сверкнув дежурной улыбкой. Он что-то бормочет, нетерпеливо постукивая пальцами по стойке.

— Куда летите, сэр?

— В Сан-Франциско.

Она стучит по клавиатуре без единой эмоции. Подзывает коллегу, которая за это время уже зарегистрировала троих. Они вдвоем усердно выискивают что-то на экране.

— Что происходит? — спрашивает он с неприкрытым возмущением.

— Прошу прощения, сэр, — говорит вторая девушка, ее яркий макияж — контурированный нос, помада оттенка бургунди — отвлекает. — Мы не видим вашу бронь.

— Не может быть! Я сам бронировал место, мое имя точно там. Майкл Кабонго. Мне нельзя пропустить самолет. Проверьте еще раз! — почти визжит он, размахивая руками и тыча в компьютер, привлекая к себе их внимание. Девушки смотрят на него, как бы не заметив истерики, затем друг на друга.

— Примите мои извинения, сэр, вы подошли не к той стойке регистрации. Вам нужно...

Стук сердца заглушает ее слова. Он смотрит в указанном ею направлении. Выхватывает паспорт. 9.20. Легкие сжимаются, дыхание становится чаще — Майкл бежит сквозь толпу. Ему жарко, несмотря на прохладу осеннего утра. Кожа под курткой кипит; шарф сдавливает горло. У него выступает пот. Он в конце длинной s-образной очереди. 9.22. Стоит, перекатываясь с пяток на носки с нетерпением ребенка, которому надо в туалет. Что-то бубнит под нос, из-за чего окружающие подозрительно косятся на него. Человек в начале очереди говорит громко, не по делу, пытается вести беседу, быть приятным, тратит время впустую.

— Поторапливайся, старикан! — кричит Майкл. Люди вокруг стоят с осуждающим видом, но притворяются, что не замечают его. *Я не могу пропустить полет!*

— Есть кто-то в очереди на самолет номер АО1К23 в международный аэропорт Сан-Франциско? — разносится по воздуху мужской голос.

Майкл бросается вперед, а следом и женщина в паре людей за ним; на лице у нее такое же, как у него, облегчение. Их пропускают вперед. Мужчина с русыми волосами за стойкой регистрации берет у него паспорт и вносит данные в компьютер.

— У вас есть багаж?

Он ставит рюкзак на весы.

— Путешествуете налегке? — спрашивает мужчина с улыбкой, на которую Майкл не отвечает.

— Вы успешно зарегистрированы, сэр. Но поторопитесь. Скоро начинается посадка. Пожалуйста, поспешите пройти досмотр охраны.

Майкл снова бежит. У охраны видит рой людей, словно столпившихся у входа на футбольный стадион. Он подпрыгивает, пытаясь найти, как пробраться вперед. Видит, как служащая аэропорта пропускает людей — по двое зараз.

— Прошу, — умоляет он, — у меня вылет в десять. Мне срочно нужно пройти!

Она проверяет его посадочный талон и сразу пропускает. 9.35. Посадка заканчивается за пятнадцать минут до взлета. *Осталось всего десять минут.* Ноги напрягаются, трясутся, руки сводит судорогой. Паспорт с талоном падают на пол, он возится, пытаясь их подобрать. Быстро стягивает куртку, шарф, ремень, рюкзак, вытряхивает все из карманов и кидает в контейнер.

9.39. Майкл проходит рамку металлоискателя, тот пищит. К нему подходит охранник, смотрит на его ноги, велит снять обувь и пройти снова. Он возвращается и пытается распутать обвязанные вокруг лодыжки шнурки, перекрутившиеся и обвившие ногу, как лоза дерева. Он справляется с ними и спешит к металлоискателям. Охранник машет, чтобы он проходил. Он собирает свои пожитки и снова бежит и бежит, как всегда. Выход 13. 9.43.

9.44 Майкл пронесится по зоне дьюти-фри, топая так, что следы могут остаться. 9.45. Впереди он уже видит выход 13. 9.46. Он прибегает к выходу. Никого. Он падает на колени, запыхавшись. Ну и хрень! Может, всего этого не должно было случиться.

В перерывах между его ругательствами из-за стойки появляется девушка, словно ангел-хранитель, и умиряет его причитания.

— Ваш посадочный талон, сэр.

Майкл протягивает его и хватается за грудь.

— Вы как раз вовремя, сэр. Отдышитесь и проходите.

— Спасибо, — отвечает он, переполняясь благодарностью.

Майкл входит в самолет, где его встречают улыбочивые лица стюардов и стюардесс. Он улыбается им в ответ. Это должно было случиться. Он проходит мимо пассажиров бизнес-класса, которые даже взгляда на него не поднимают, в экономкласс на свое место у окна. Садится рядом с мужчиной, чье брюхо не дает застегнуть ремень безопасности, и женщиной, которая уже клюет носом от принятого снотворного. Он обмякает в кресле, спокойствие растекается по телу, вдали над горизонтом висит солнце. Так начинается конец.

Глава 2

Академия Грейс Харт,
Лондон; 10.45

— Спокойно, спокойно. — Класс затихает, раздаются еще пара возбужденных голосов.

— Осталось пятнадцать минут. Если не закончили, обеденную перемену проведете со мной, будете разбирать мою коллекцию марок. — Одиннадцатиклассники застонали.

Лучи осеннего солнца падали сквозь окна, а я наблюдал, как студенты пишут, склонив головы над тетрадками. Все, кроме одного — Дуэйна. Чего и стоило ожидать. В классе он в лучшем случае просто смотрел в окно. Иногда, если повезет, мог ответить на вопрос. А в худшем случае о нем гудела вся школа и порой даже полиция. Дуэйн сидел на задней парте, в углу, боком к парте, откинув голову на стену, бороздя взглядом мир за окном.

— Пора собираться. — Они зашуршали сумками, складывая в них учебники. Раздался плакающий звонок. Особо шустрые попытались проскочить через дверь, но я закричал: — Звонок не для вас, он для учителя! — чтобы остановить их. И прибавил: — Свободны. — Школьники высыпали из кабинета, радостные и счастливые. Дуэйн плелся позади последним.

— До встречи, Дуэйн. — Он кивнул, не мне, но хотя бы кивнул. Я вытащил телефон из кармана куртки, перекинутой через спинку стула, и написал Сандре.

Эй, рабочая женушка, где ты?

Я занята, на футбольном поле. Даже не поела сегодня... — ответила Сандра.

Это ты так приглашаешь меня пообедать?

Мой рабочий муженек уже знал бы ответ на этот вопрос.

— Сэндвич с тунцом? Seriously? Это все, что ты принес мне? — спросила она, когда мы встретились на площадке у школы.

— С тунцом и сладкой кукурузой, вообще-то, — ответил я в шуме резвящейся детворы. И прибавил: — С майонезом.

Она выхватила сэндвич у меня из рук.

— Ничего... с какими-то специями?

— Вспомни, где мы. Какие тут специи?

— Эмм, по идее ты должен готовить и приносить мне еду. — Она выставила ладонь, как будто спрашивая, почему это я не сделал этого сегодня, да и вообще когда-либо. — Ну, как трудолюбивый рабочий муж, — добавила она.

— Пусть твой парень этим занимается...

— Да неужели? — фыркнула она.

— К тому же, думаю, ты все неправильно поняла. — Я растянул губы в тонкой улыбке. — Что-то не выхо-

дит у нас ничего с рабочим браком. Надо бы с тобой развестись. Отсудить половину денег...

— Ничегошеньки тебе не достанется, я на мели, деточкааааа..

— Добрый день, сэр. — Наш разговор прервал чей-то бодрый голос. Он приближался к нам сзади. Я знал, кому он принадлежит. Мы оба знали. И оба цепенели от него.

— Спорим, она велит нам отодвинуться друг от друга? — шепнула Сандра.

— Добрый день, миссис Сандермейер, — ответили мы хором; мой бас и ее тенор прозвучали в гармонии. Миссис Сандермейер была завучем. Она деловито носилась по школе в деловом костюме, деловито забравшись по грязной карьерной лестнице и зубами вырвав себе это положение. В дни без дресс-кода она всегда приходила в футболке «Who Run the World? Girls!»¹ и при любой возможности напоминала всем, что ее муж «сидит дома и смотрит за детьми».

— Ну, и как вам вид? — спросила миссис Сандермейер, хотя уже знала ответ. Она всегда задавала только те вопросы, на которые знала ответ.

— Нравится, — ответила Сандра и, не зная, что еще сказать, покивала, чтобы заполнить пустоту. Я тоже кивнул.

— Прекрасно, — взвизгнула миссис Сандермейер; она всегда визжала, выражая удовлетворение. Затем наклонилась ближе и сказала: — Вы не будете против разойтись по разным сторонам площадки, чтобы дети вас видели? Спасибо.

¹ «Кто в мире главный? Девушки!» (англ.) — цитата из песни Бейонсе Run the World (Girls) 2011 года. — *Прим. пер.*